* * *

Всё время вспоминаю свою недавнюю поездку в Псков и Пушкиногорье, куда я сопровождал делегацию нашего Союза писателей на Пушкинский праздник. Я уже писал однажды, что кто бы там что ни говорил, а всё-таки так до сих пор и не появилось в России ни более *современного*, ни более *своевременного* писателя, чем Александр Сергеевич Пушкин. Наслушаешься иной раз за день чьих-то кликушеских визгов о смерти русской литературы, насмотришься на всех спешащих справить по ней панихиду, а вечером дома откроешь знакомый заветный томик, проведёшь рукой по странице, повторив про себя, практически не глядя на шеренги построенных, как гренадёры на плацу, слов: *«Нет, весь я не умру — душа в заветной лире / Мой прах переживёт и тленья убежит...»* — и с облегчением улыбнешься. Что тут поделать? Всё в мире развивается по одним и тем же *природным* законам, проходя обязательную дистанцию от рождения до смерти, но разве порог физиологический кончины — это и вправду *конец всему*, последняя точка существования? *«Нет, ВЕСЬ я не умру»,* — сказал Поэт, и это утверждение в равной мере распространяется и на всю нашу литературу в целом.

Да, вполне справедливо, что та литература, которую мы знали под именем «советской», исчерпав до конца выданные ей социалистической эпохой художественные возможности, «приказала всем долго жить», но это ведь ещё не *вся* литература, а только её износившаяся, израсходовавшая свои энергетические ресурсы бренная *плоть*, тогда как *«душа в заветной лире»* пережила её прах и, перейдя на качественно иные творческие высоты, продолжает *живой* разговор с читателем, пробуждая в нём те самые *«чувства добрые»,* за которые был любезен народу и сам Александр Сергеевич.

Да, наверное, прав был в своё время и Владислав Ходасевич, писавший в статье «Колеблемый треножник» о периодическом падении интереса к поэзии Пушкина. Прав и профессор Владимир Гусев, упрекающий нас сегодняшних в *«в постыдном незнании текстов»* нашего национального Гения, а также в непрочтении нами его произведений. Но прав и редактор газеты «День литературы» критик Владимир Бон-

даренко, утверждающий в своей газете, что *«сейчас наступает время Пушкина»*, а это — *«время собирания всех русских сил воедино во имя великой Победы»*.

Всё это действительно так, потому что Пушкин — это всегда загадка, всегда неразгаданная тайна. Причем совсем не та, которую сегодня усиленно раздувают дельцы от псевдолитературы, тиражируя книжонки, изображающие поэта этаким повесой с бесчисленным «донжуанским списком» за спиной, ветреным гулякой, извращенцем и даже сатанистом. Тайна Пушкина, феномен его гения заключаются совершенно в другом. Вспомним какими определениями наделяли его современники и потомки: *«Пушкин — это наше ВСЁ»*, Пушкин — это *«образ русского человека, каким он явится через двести лет»*, Пушкин — это *«СОЛНЦЕ русской поэзии»* и так далее. То есть на каком-то подсознательном уровне Пушкин прочно ассоциируется у нас с понятием некоего недостижимого, но сохраняемого в глубине души *идеала* и одновременно с этим — чего-то исключительного, *неземного*, *сияющего* где-то высоко-высоко *над нами*.

Практически этими же самыми категориями мы определяем для себя и понятия Бога, говоря, что в каждом из нас кроется *образ Божий* (т. е. тот же недостижимый нами *идеал*), и что Иисус Христос — это наше *СОЛНЦЕ ПРАВДЫ* (т. е. почти то же, что и употребляемое по отношению к Пушкину выражение *СОЛНЦЕ ПОЭЗИИ*).

Таким образом видно, что Пушкин давно перестал для нас быть просто *Поэтом* и стал своего рода новым общерусским *Богом*, приняв на себя вместе с нашим религиозным трепетом и нашу религиозную пассивность. И точно так же, как мы в своём большинстве не читаем ни Молитвослова, ни Библию, ни другие священные книги, мы не читаем и произведений Пушкина. И так же, как многие из нас не ходят в храмы на Литургию, не постятся, не молятся, не принимают Святого Причастия и не выполняют никаких других церковных обрядов, а только раз в год, в порядке этакого массового поклонения, приходят в церковь на Рождество или на Пасху, чтобы, отстояв половину богослужения да поскорее отметив это за гульбищным столом, тут же забыть о своём Боге до следующего года, так и о Пушкине мы вспоминаем — что греха таить? — в основном, только в дни его годовщин да юбилеев, чтобы, съехавшись отовсюду в Берново, Болдино или Михайловское, послушать организованный в честь этого дня концерт, потолкаться по импровизированной ярмарке, съесть непрожаренный шашлык с пивом да уехать до следующего юбилея.

Что на это можно сказать? Въевшийся в нас за десятилетия дух атеизма даёт себя знать не только в отношении Православия, но и в отношении всей русской культуры и, неся в себе унаследованную от предков генетическую веру в Бога, мы живём, фактически не зная Его, как неся в себе любовь к Пушкину, мы живём, не читая его священных строчек. Но в то же время, являясь народом, уже тысячу лет живущим по принципам православной морали и с самого раннего детства окружённым пушкинскими сказками, мы хоть и живём, нарушая все христианские заповеди, всё же испытываем необъяснимый трепет при звуках церковного благовеста, и, хоть и не перечитываем на ночь стихов Пушкина, чувствуем, как учащается стук сердца при одном только упоминании его имени. И если мы и не можем заявить, что с Пушкиным нам всем на этом свете живется *легче*, то можем с уверенностью сказать, что без него нам было бы намного *тяжелее*.

* * *

В связи с отмечавшимся в этом году 220-летним юбилеем Александра Сергеевича Пушкина я часто слышал повторяемое всеми вокруг меня высказывание Н.В. Гоголя о том, что *«Пушкин есть явление чрезвычай-*

ное; и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через ***двести лет****».* Уцепившись за эти указанные классиком *двести лет*, многие в этом юбилейном году с нескрываемым пессимизмом констатировали, что вот-де, мол, пророческое время уже давно истекло, а русский человек, *подобный Пушкину*, так до сих пор и не явился! И никто при этом не обратил внимания на то, что это, по словам Гоголя, должен быть не просто новый по уровню своего развития человек, но *«русский человек в КОНЕЧНОМ его развитии»* — т.е., что достижение нами пушкинского идеала будет свидетельствовать об *окончании* пути нашей духовной эволюции. Пушкин — это та цель, достигнув которой, мы исполним задачу своего земного бытия и перейдём на какую-то иную ступень Божественного мироустройства. А значит, пока мы ещё не явили себя в этом образе, у нас остаётся некий спасительный шанс проявить себя *здесь*, на нашей любимой и грешной Земле...

* * *

Не нужно бояться говорить правду о гениях — *правдой* их оскорбить невозможно. Я это понял, читая дневниковую запись любимого мною Юрия Карловича Олеши за 15 марта 1930 года, где он, в частности, пишет:

«Мне хочется по секрету сказать кощунственную вещь... А именно, что вся изысканность пушкинской прозы — есть результат *подражания Мериме*. Мне стыдно и жутко: я — *оскорбляю Пушкина*. И действительно, мне кажется, что величайшим русским гением был Гоголь. Казаки в “Тарасе Бульбе” стоят сивые, как голуби. И душа из убитого казака вылетает, оглядываясь и дивясь, что так рано вылетела из молодого и могучего тела. А думая о прозе Пушкина, я вижу эмалевую фабулу, вижу плоскостную картинку, на которой нерусский, глубоко литературный незнакомец стреляет из пистолета в какой-то портрет.

Однако сам Гоголь говорит, что Пушкин дал ему тему “Мёртвых душ”. Может быть, потому и подзаголовок у них “поэма”. Словом, я терплю крах...» (Встречи с прошлым: Выпуск 6. — М., 1988, с. 309.)

Называя своё состояние «крахом», Олеша напоминает того самого, изображённого Ильфом и Петровым в «12 стульях» васюкинского шахматиста, который из-за парализовавшего его страха перед ложным гроссмейстером думает, не сдаться ли ему уже после первого хода Остапа Бендера, тогда как очень скоро начатая партия оборачивается его безусловной *победой*. Ведь Олеше — *не за что* извиняться перед Пушкиным и его поклонниками, поскольку он действительно *прав*, говоря о «плоскостной картинке» его повести «Выстрел». Вопрос только в том, правомерно ли переносить эту характеристику на *всё* пушкинское творчество и на него самого как художника?

Да, замечание Олеши оказывается справедливым почти для каждого из прозаических произведений Пушкина *по отдельности*, ибо каждое из них действительно иллюстрирует собой в основном только какое-то *одно* конкретное чувство или *одну* узкую тему. Возьмем ли мы «Путешествие в Арзрум», «Каменного гостя», «Моцарта и Сальери», «Барышню-крестьянку», «Метель», «Гробовщика», «Выстрел», «Дубровского», «Бахчисарайский фонтан», «Скупого рыцаря», «Графа Нулина», «Историю Пугачёва» и некоторые другие его вещи, и мы увидим, что каждое из этих произведений является отчетливо *монофоническим*, разрабатывает собой только какую-то *одну-единственную* тематическую, сюжетную или идейную линию.

Однако, если мы охватим взором *всё* творчество Пушкина *сразу*, во всём его объеме, то мы будем поражены тем, насколько *полифонично* оно в своей *совокупности* — пушкинская многогранность как будто «размазана» по всему его литературному наследию, и «плоскостные» каждое в

отдельности его произведения создают в своей сумме объёмнейшую картину русской жизни, охватывая практически *весь* спектр литературных жанров, художественных методов, человеческих типов и социальных идей. Фактически Пушкиным было открыто и намечено всё, что соединилось впоследствии в полифонической прозе Толстого, Достоевского и даже Булгакова**: историческая тема** («Капитанская дочка», истории Емельяна Пугачёва и Петра Великого), **авантюрно-приключенческая повесть** («Дубровский»), метод **магического реализма** («Гробовщик», «Пиковая дама»), **путевые заметки** («Путешествие в Арзрум»), **филологическое эссе** (записи к «Слову о полку Игореве», размышления о творчестве своих современников и о литературном труде вообще), **исповедальная проза** («Роман в письмах»), **сентиментальный водевиль** («Барышня-крестьянка», «Метель», «Домик в Коломне») и так далее, и тому подобное.

В русской литературе XIX века практически нет ни одного значительного писателя, над творчеством которого хотя бы лёгким облачком не витала белозубая тень Пушкина. Да и разве только в литературе этого периода? Займёмся ли мы изучением бессмертного «Слова о полку Игореве» — и окажется, что одним из первых о нём писал не кто иной, как Пушкин (лучше других, кстати, ощутивший своим гениальным чутьем *подлинность* этого древнерусского памятника!). Обратимся ли мы к творчеству Николая Васильевича Гоголя — и тут же припомним, что сюжет его лучшей повести «Ревизир» был подарен ему Пушкиным. Откроем ли стихи Николая Клюева — и увидим продолжение той же самой тропы к русскому фольклору, которую первым начинал торить и автор «Руслана и Людмилы». Попробуем разобраться в закономерностях и тенденциях текущего литературного процесса — и поймём, что никакая периодизация литературы невозможна, если на оси координат культуры отсутствует такая «точка отсчёта» как имя Пушкина...

Глубоко ошибается тот, кто считает русскую литературу понятной, как одноименный учебник. Русская литература (и это справедливо также и для произведений *сегодняшних* авторов) — это нескончаемая игра, самый настоящий Диснейленд, населённый такими, вроде бы знакомыми ещё по школьным хрестоматиям и многократно объяснёнными учителями и критиками, но каждый раз опять непостижимо таинственными и приводящими в волнение художественными образами. Возможно ли разгадать их однажды *раз* — и *навсегда*? Скорее всего, что вряд ли...

Но как же безумно интересно это делать, видя, как «плоскостная картинка» текста вдруг начинает оживать, и чаща синтаксиса заполняется живыми фигурами, словно сказочное Лукоморье гостями! И чья бы фамилия ни стояла над читаемым произведением, а, чувствуя, как парит над страницами русской литературы лёгкая тень в развевающейся крылатке, так и хочется хлопнуть себя по ляжке и, подпрыгнув, воскликнуть классическое: *«Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын!..»*

* * *

Спасибо тебе, Александр Сергеевич, за твои стихи, поэмы, повести, за твой незабываемый дерзкий образ и скользящие по твоим пятам блики искромётного и тут же исчезающего счастья...